

ИЛЬЯ РУБИНШТЕЙН

Номинация – ПЬЕСА, НЕ ПОПАДАЮЩАЯ В ТЕМАТИЧЕСКИЕ НОМИНАЦИИ

Б Ы Л О Т Е П Л О

ТРЁХАКТНАЯ ПЬЕСА В ЖАНРЕ БУРОЙ КОМЕДИИ

Не потому ль, что ветер норвежских гор с разбега
О терпкой вольности шептаться стал со мной,
Не потому ль...

Третья (*перебивает*): Почему «ветр»?

Второй (*Третьей*): Не «ветр», а «фетр». Фэ. Фетр - материя такая. Норвежский фетр.
Фэ. Понимаешь?

Первый: Всё. Я закрываю наш утренник. К ебням.

Начинает сгребать бутылки, стаканы и закуску на угол стола.

Второй (*Первому*): Извини.

Третья (*Первому*): Извините, пожалуйста.

Первый: Вы допиздитесь, что я замолчу навсегда.

Второй: Ну, мы же извинились. Давай дальше, пожалуйста.

Первый: Тогда с начала.

Выпивает из стакана коричневое.

Первый (*кивнув на бутылку с коричневым*): Вы зря, кстати, это не пьете. Я туда перцовки добавил.

Начинает декламировать.

Первый: Офелия белей и лучезарней снега,
Ты юной умерла...

Третья (*Первому*): А это кто?

Первый: Артюр Рембо. Год рождения тысяча восемьсот пятьдесят четвертый. Я тебя убью.

Второй: Она больше не будет. Читай дальше.

Третья : А умер он когда?

Второй: Кто?

Третья: Рембо. Артюр.

Второй (*Первому*): Когда?

Первый: Ну вы ребята совсем... Каркать-то на хуя?... Может он и не умер ещё.

Второй: Умер, умер.

Первый: Ну хорошо - умер. И что?

Второй: Ничего. Читай.

Первый: Это больше не буду. Буду другое.

Выпивает коричневое прямо из бутылки. Начинает декламировать, не выпуская бутылки из рук.

Первый: Офелия белей и лучезарней снега...

Второй и Третья оборачиваются на звук приехавшего на этаж лифта.

Первый (*продолжая*): Ты юной умерла, унесена рекой...(приподняв бутылку с коричневым над столом) Зря вы это не пьете...

Из-за угла, откуда был слышен звук приехавшего лифта, выходит седой человек среднеазиатской внешности. Одет он в дубленку и тюбетейку.

Третья (*кивнув на человека в дубленке*): А это кто?

Первый: Это сосед. Туркмен. Мы с ним в школе вместе на продленку ходили. Он жену свою первую замочил. Замочил и голову отрезал. Восемь лет строгого. Позавчера вышел. А вчера опять женился. (*бросив взгляд на бутылку с коричневым*) Зря вы это не пьете.

Делает глоток из бутылки.

Человек в дубленке и тюбетейке молча проходит мимо стола и исчезает за своей дверью. Второй и Третья провожают его глазами и вновь оборачиваются на звук приехавшего на этаж лифта. Из-за угла появляется скромная брюнетка в купальнике. В руках у нее лукошко полное грибов.

Первый (*кивнув на прошедшую мимо стола брюнетку*): А это соседка. Полгода уже здесь живет и ни разу не поздоровалась. Проститутка наверное. (*вслед брюнетке*) Ты будешь здороваться, сука?!

Третья берет из руки Первого бутылку с коричневым. Выпивает из горлышка. Передает бутылку Второму.

Третья (*Первому*): Ну, а хотя бы время года можешь сказать?

Первый: Могу.

Второй: И я могу. Тебе какое - сегодняшнее или вообще?

Третья: Время года, когда умер поэт Артюр Рембо тысяча восемьсот пятьдесят четвертого года рождения.

Первый: *Это* время года не могу.

У мусоропровода появляется человек с ведром в руке. Ведро звенит стеклотарой. Одну за другой человек достает из ведра наполненные разноцветными жидкостями бутылки и опускает их в бачок мусоропровода.

Первый (*человеку с ведром*): Стой.

Подходит к мусоропроводу и вынимает из бачка бутылку с оранжевым. Возвращается к столу с бутылкой в руке.

Человек с ведром (*вяло*): Там же срок годности уже.

Второй (*человеку с ведром*): Он туда перцовки добавит.

Толкнув от себя ручку бачка, человек с ведром уходит от мусоропровода. Звон разбитой стеклотары на несколько секунд убивает все.

Третья: Неужели трудно вспомнить хотя бы время года!? Снег шел, дождь или пух летал?!

Первый: Было тепло.

Второй: Было тепло.

Третья: Кому?

Второй: Всем. Всем-всем-всем. Всем было тепло.

Третья (кивнув на дверь за которой давеча скрылась брюнетка): И ей тоже?

Второй: Кому «ей»?

Третья: Кому-кому. Проститутке этой, которая не здороваается и за грибами ходит.

Первый: Она не ходит за грибами. Просто она - лесная проститутка. Она - проститутка для грибников. Это они ходят за грибами. Грибники. А она не за грибами ходит. Она ходит просто в лес. А с ней расплачиваются грибами.

Третья: Что же она тогда зимой делает?

Первый: Спит. Спит и жрет свои грибы.

Кидает бутылку с оранжевым в дверь брюнетки.

Первый: Сука невежливая.

Бутылка разбивается о дверь брюнетки. Дверь «молчит». Зато открывается дверь соседняя. Из нее выходит седой человек в тюбетейке с подносом в руках. На подносе - обложенная дымящимся пловом женская голова, покрытая чадрой. Седой в тюбетейке ставит поднос на стол.

Второй (Первому): Это он уже вторую?

Первый что-то спрашивает по-французски седого в тюбетейке. Седой в тюбетейке так же по-французски что-то отвечает.

Первый (Второму): Он говорит, что это еще та, первая, но тоже очень вкусная.

Третья берет с подноса горстку риса, дует на нее и опускает в рот. Первый наливает седому в тюбетейке стакан коричневого. Что-то бормотнув по-французски, седой в тюбетейке выпивает, занюхивает выпитое волосами убиенной супруги и бережно поправляет чадру на мертвой женской голове.

Третья (жуя): Уж лучше бы он эту, с грибами, замочил.

Второй: Боишься конкуренции?

Третья: Я ничего не боюсь. Просто справедливость люблю.

Второй (Первому, кивнув на седого в тюбетейке): Ты переведи ему, что если он опять захочет кого-нибудь убить - пусть убивает эту, из леса.

Первый что-то говорит по-французски седому в тюбетейке. Седой в тюбетейке внимательно его слушает, кивает, снова поправляет чадру на голове убиенной супруги, подходит к двери брюнетки и ударом руки выбивает замок. Заходит в квартиру. Закрывает за собой дверь. Почти сразу из-за двери слышится сдавленный женский крик и шум падающей мебели.

Но все эти звуки заглушаются мелодичной музыкой.

Приборы вновь освещают оживший экран на заднике сцены и камера вновь начинает облет московской природы. И снова парки, набережные, мосты и проспекты...

Голос Владимира Жириновского за кадром: Вот так и живем и не ждем тишины,
И юности нашей, как прежде верны,
И сердце, как прежде горит от того,
Что дружба превыше всего...

Экран гаснет.

Лестничная клетка. За столом те же.

Третья (*Первому*): Почитай что-нибудь свое.

Второй (*Первому*): Только по-русски.

Третья (*Первому*): Есть у вас что-нибудь свое?

Второй (*вместо Первого*): Еще как есть. У него все есть. (*Первому*) Правда?

Первый: Ну, правда.

Третья: Тогда, если можно, что-нибудь из раннего.

Дверь квартиры брюнетки открывается и на пороге застывает седой в тюбетейке. В одной руке у него лукошко, в другой - голова брюнетки.

Первый (*скользнув взглядом по голове брюнетки*): Потому что здороваться надо.

Седой в тюбетейке подходит к мусоропроводу и открывает бачок. Затем надевает на голову лукошко (получается как скафандр) и усаживается в бачок. Махнув всем на прощание головой брюнетки и грустно прошепав «BEATLES FOREVER», дергает на себя ручку. Бачок захлопывается вместе с «пилотом». Слышно как стенки мусоропровода иногда задевает тело летящее в никуда.

Второй (*Первому*): Что он сказал?

Первый: Он сказал: «Поехали».

Третья: И что?

Первый: Ничего. Все службы космодрома Байконур работают нормально.

Третья: Да я не про космодром. Ты же из раннего обещал.

Второй (*Первому*): Обещал, обещал. Давай.

Первый (*Третьей*): А хочешь из очень раннего?

Третья: Конечно.

Второй (*Первому*): Про месяц давай.

Третья (*Второму*): Да помолчите вы! (*Первому*) Ну?

Первый: Даже не знаю. (*наморщив лоб и вспоминая*) М-м...Вышел месяц из тумана...вынул ножик из кармана...буду резать...

Третья (*подхватывает*): Буду резать, буду бить, все равно тебе водить!

Второй (*Третьей*): Откуда ты это знаешь?

Третья: Так мы его еще в школе по внеклассному чтению проходили.

Все трое оборачиваются на звук громко открывшейся последней, четвертой, двери. Из двери выходит мальчик лет семи с ранцем за плечами и мешочком со сменной обувью в руке. Он подходит к столу и берет с подноса женскую голову в чадре. Подбросив вверх, по вратарски, выбивает голову куда-то далеко перед собой.

Мальчик: Туркмены нам на хуй не нужны.

Третья: Мальчик, вы в школе стишок про месяц уже проходили?

Мальчик: Который вынул перо из кармана и всю братву расписал?

Третья (*просветлев лицом*): Ну да.

Мальчик: Еще в первой четверти.

Третья (*кивнув на Первого*): А его для вас всех вот этот дядя написал.

Мальчик: Писатели нам тоже на хуй не нужны.

Подпрыгивает и мешочком для сменной обуви разбивает один из плафонов светофора. Идет к лифту.

Брюнетка (*вслед мальчику*): Он не писатель, он - поэт!

Лифт уезжает. Почти сразу все трое поворачивают головы на звук открывшейся двери квартиры убитой брюнетки. На пороге - брюнетка со сковородкой в руках.

Брюнетка: Здравствуйте.

Все трое смотрят на мусоропровод. Потом на брюнетку. Потом опять на мусоропровод. Брюнетка подходит к столу и ставит на него сковородку.

Брюнетка: Это он - сестру. Мы с ней близнецы.

Второй: Были.

Брюнетка (*с легкой печалью в голосе*): Да, теперь уже были.

Снимает со сковородки крышку.

Брюнетка: Угощайтесь. Это рыжики. Сегодняшние. Сестра из леса принесла. Очень вкусные получились.

Первый: Выходит, со мной целых две не здоровались. (*очень светло*) Суки.

Второй: Ну чего ты? Видишь - поздоровалась же, наконец.

Первый: Эта поздоровалась, а та? (*указав бутылкой в сторону мусоропровода*) Та, ведь, не поздоровалась.

Третья: Сука невежливая.

Второй (*Третьей*): Ты-то хоть не накаляй.

Первый: Почему же - пусть накаляет. (*Третьей*) Накаляй, накаляй.

Второй: Но она же поздоровалась. Что тебе еще надо?

Первый: Пусть поцелует.

Второй (*Брюнетке*): Поцелуйте его, пожалуйста.

Брюнетка: Хорошо.

Подходит к Первому и целует его долгим, романтическим засосом.

Второй: Ну вот.

Третья (*спокойно-решиительно*): Нет, не вот.

Достает из сумочки ПМ и два раза стреляет в воздух. Губы целующихся размыкаются.

Второй (*Брюнетке*): Перцовка? Шампанское? Пиво?

Брюнетка (*утвердительно кивнув*): Перцовка. Шампанское. Пиво.

Второй: Тогда вот это.

Наливает брюнетке из бутылки с коричневым. Брюнетка культурно выпивает.

Первый: Ей надо закусить.

Впивается губами в губы брюнетки. Снова романтический засос. Брюнетка перезаряжает пистолет и наставляет его на Первого. Губы целующихся вновь с неохотой размыкаются.

Третья (*держа на мушке Первого*): Всё. Пошли. Тем более, что один час уже прошел.

Первый: Пошли.

Берет со стола бутылку с коричневым и засовывает ее за пазуху.

Второй: Стоп. (*Третьей*) А почему именно с ним?

Третья (*убирая ПМ в сумочку*): Потому. Потому что вы меня вызывали на два часа, а час уже прошел.

Второй: Мы вызывали тебя на два часа, чтобы было по часу на каждого. На каждого.

Третья: На час-то уже прошел.

Второй: А почему ты решила, что именно мой час прошел? (*кивнув на Первого*)
Может это его час прошел?

Третья: Решила потому что решила.

Второй: А я хочу, чтобы было по совести. Если первый час мы уже просрали, значит, второй час тоже нужно делить на два - полчаса ему, полчаса мне. И чтобы обязательно с презервативом. Ясно?

Первый (*Третьей*): Он где-то прав. Тем более, что деньги было его.

Третья: А я хочу только тебя.

Брюнетка (*Второму*): Может быть мне с вами побыть этот час?

Второй: Где?

Брюнетка: У меня дома.

Второй: Там же... Ну-у...Ваша...В смысле - близнец ваш... Без этой...

Брюнетка: Без головы.

Второй: Ну да.

Брюнетка: Так у нас две комнаты. В прежней квартире была одна. А сюда мы разменялись с расширением. Правда, санузел совмещенный. Зато почти без доплаты.

Третья (*Брюнетке*): «Почти без доплаты» это сколько?

Второй: Причем здесь доплата?! О чем мы говорим! Надо решать вопрос в принципе!

Первый: Решай. Я ни на чем не настаиваю.

Поворачивается к брюнетке и смотрит ей в глаза.

Второй: А я - настаиваю!

Залпом, в сердцах, выпивает два стоящих под рукой стакана - один с шампанским, второй - с коричневым.

Первый (Брюнетке): Вы очень похожи на свою сестру. Скажите, пожалуйста, «здравствуйте».

Брюнетка: Здравствуйтесь.

Третья: До свидания.

Разворачивается и гордо идет к лифту.

Второй: Стоять!

Третья останавливается.

Второй: До окончания заказа еще осталось пятьдесят четыре минуты! К столу бегом - марш! Форма одежды парадная - трусы и каска!

Третья разворачивается и возвращается к столу.

Второй: Вот так! И впредь попрошу !

Третья (*Второму, презрительно-ухмылисто*): Маньяк.

Первый (Брюнетке): А можно еще раз?

Брюнетка: Здравствуйтесь.

Первый: А еще?

Третья разбивает об пол бутылку шампанского.

Первый (Брюнетке, не обратив на битье тары никакого внимания): Ну?

Брюнетка: Здравствуйтесь.

Первый (наливая в стакан коричневое, лирически удовлетворенно): Вот так сбываются мечты.

Третья (с вызовом): Ну, какая же это мечта. Это не мечта, это говно. Просто говно.

Брюнетка: Зачем же вы так?

Третья: А ты, вообще, помолчи. Не тебе про мечту говорить.

Брюнетка: Позвольте узнать почему?

Третья: А потому. Потому сначала здороваться научиться надо.

Вырывает из рук Первого стакан, который он налил себе. Выпивает. Занюхивает кусочком сала.

Третья (*Брюнетке*): Ну, хорошо. Предположим, есть у тебя мечта. Есть?

Брюнетка: Безусловно.

Третья: Какая?

Второй (*неожиданно быдловато*): Чтобы сеструхе голову обратно привинтили.

Третья (*Второму*): Подожди - я серьезно. (*Брюнетке*) Ну вот самая заветная мечта у тебя какая?

Брюнетка достает из кармана четверо сложенный листочек. Разворачивает. Обводит всех глазами.

Брюнетка: Моя самая заветная мечта заключается в следующем.

Опускает глаза в листочек и начинает читать.

Брюнетка (*читает по листочку*): Я хочу в одно прекрасное утро проснуться в отеле на берегу синего моря рядом с любимым мужем и любимым ребенком. Часы бьет восемь. Любимый муж с любимым ребенком просыпаются и убегают на пляж. А я встаю, принимаю ванну и бегу в соседней отель к любимому ёбарю. (*оторвав глаза от листочка*) Правда, это очень схематично.

Прячет листок в карман.

Брюнетка (*беззащитно*): Вот.

Третья (*через паузу*): Я и говорю - блядь. Самая настоящая блядь с грибами.

Второй: С грибами - это сестра. Близнец.

Третья: Ну, значит, без грибов. Так - еще хуже.

Брюнетка: А почему вы, кстати, грибы не кушаете? Остынут ведь - будут невкусные.

Третья (*Первому*): Осталось сорок три минуты.

Первый: Я не пойду. Я неожиданно полюбил другую. (*Второму*) Прости. Если сможешь.

Разливает коричневое по стаканом.

Первый (*Второму и Третьей*): Зря вы, между прочим, это не пьете. (*Брюнетке*) Давайте с вами выпьем на брудершафт.

Брюнетка: Давайте.

Поднимают стаканы, сплетают руки, выпивают, сливаются в поцелуе.

Третья (*Второму, глядя на целующихся*): Ладно, пошли.

Второй: А вот так ...мне не надо... Этого.

Третья (*не отрывая глаз от целующихся*): Чего ж тебе надо?

Второй: Правды.

Третья (*все так же, не отрывая глаз от целующихся*): Ну, какой тебе еще правды?

Второй: А такой. Я хочу знать почему?

Третья (*все еще глядя на целующихся*): Что «почему»?

Второй: Да все «почему»!

Первый и Брюнетка завершают наконец поцелуй.

Третья (*Второму*): Почему?... Да потому! Потому что он - это он! Вот почему!

Второй: Требую конкретики.

Третья: А какая тут может быть конкретика! Поэт, французский знает и ради женщины готов умереть! Все!

Брюнетка (*Первому*): Вы ради женщины, действительно, готовы умереть?

Первый: Готов. (*затянувшись сигаретой*) От старости. Это, вообще, моя мечта - умереть за женщину от старости. Самая заветная мечта. Как у вас про отель на синем на море. Скажите, пожалуйста, «здравствуйте».

Брюнетка: Здравствуйте.

Первый: Если можно еще.

Брюнетка: Здравствуйте.

Первый и Брюнетка вновь сливаются в поцелуе.

Второй (*наливая в стакан коричневое*): А у меня мечта - самое обыкновенное счастье.

Третья: Счастье не бывает обыкновенным. Счастье - это или счастье или наоборот. Оно не может быть обыкновенным.

Второй: Может... Счастье оно всегда обыкновенное. А все остальное - точечный всплеск позитива перед очередной лопатой говна.

Третья: Ну и как это - «обыкновенное счастье»?

Второй: А очень просто. Обыкновенное счастье - это когда с двумя задроченными ханыгами выпиваешь у пивного ларька. Выпиваешь по взрослому - с блевом и песнями. А вокруг кратковременный дождь с порывами ветра до пятнадцати метров в секунду. И очень холодно... Ты весь мокрый и продрогший. Как Каштанка. Или Гаврош. Но все равно выпиваешь. Очень спокойно выпиваешь. И даже радостно. Не смотря на погоду. Выпиваешь без тени пессимизма. Не как Каштанка. Потому что знаешь, что в теплом доме тебя, волнуясь, ждет та самая, которая будет ждать всю жизнь. И от мысли этой ты с ханыгами у ларька может стоять целую вечность. Стоять целую вечность абсолютно счастливым. На ветру и под дождем... Вот.

Третья: Зачем же ты с такой мечтой проституток вызываешь?

Второй: А вот это уже обычная арифметика и врожденная порядочность.

Третья: Настаиваю на расширенном примечании к протоколу.

Второй: Легко. Вот представь, что у тебя совпали во времени свободные сто баксов и естественная потребность в противоположном поле. Вариант первый. Ты идешь в какой-нибудь кабак средней тяжести, снимаешь одинокую смешную девчонку, рассказываешь ей о лучезарной Офелии, ну, или про месяц с ножиком - в зависимости от объема груди и образовательного ценза. (*кивнув на целующегося с Брюнеткой Первого*) Ну вот как он тебе сегодня.

Третья: А грудь-то здесь причем?

Второй: Третий и четвертый номера больше уважают про Офелию и норвежский фетр, остальные - про месяц с ножиком. У тебя, кстати, какой? Хотя это неважно. Ну вот. Читаешь, значит, про ножик или про Офелию, оплачиваешь стол, говоришь, что полюбил и ловишь тачку. Она тебе верит и счастлива, что встретила, наконец, того, кого ждала всю свою маленькую серенькую жизнь. А поэтому ты ее валишь без малейшего сопротивления уже на семнадцатой секунде с момента внедрения в любое

помещение закрытого типа. Утром она варит тебе кофе, рассказывает о родителях и своей малой Родине...

Первый и Брюнетка заканчивают поцелуй.

Брюнетка: А что же вы грибы не едите. Они уже остыли совсем.

Третья: Да подожди ты со своими грибами! *(Второму)* Ну и дальше?

Второй: А дальше ты говоришь, что, будучи честным человеком, перед тем как сделать ей предложение должен раскрыть очень страшную тайну. И раскрываешь, что давно и неизлечимо болен хроническим гайморитом на фоне прогрессирующего кариеса. А это, конечно, никак не может способствовать длительным отношениям. Не говоря уже о семейной жизни. Она в шоке. Она плачет. Но понимает безвыходность ситуации. Проливает при этом кофе на постель и умоляет на прощанье прочитать что-нибудь из вчерашнего. Ты снова читаешь про месяц с ножиком и она уходит в весну. Или в осень - не важно. Важно, что, включая услуги прачечной, итог - ровно сто условных единиц. Ну, там, плюс-минус в зависимости от марки пролитого кофе.

Третья: А если это именно та самая, которая будет ждать, пока ты будешь пить у ларька?

Второй: А если нет?

Третья: Ну тут уж...

Второй: Вот именно. А поэтому - в весну, в весну, в весну.

Третья: Сволочь.

Второй: Правильно! Причем самая распоследняя! А поэтому...

Первый: У меня есть тост.

Второй: А поэтому, если во времени и пространстве сошлись вдруг свободные сто долларов и естественное желание, эти сто долларов честнее отдать той, которая не ждет от тебя стихов про месяц с ножиком. И другого ничего не ждет. Кроме этих баксов. Потому что самое безнравственное в этой жизни - дарить надежду на неосуществимое.

Брюнетка: Может грибы разогреть?

Первый: У меня есть тост.

Третья *(Первому)*: Подожди. *(Второму)* Но ведь сегодня были и Офелия, и месяц с ножиком, и кабак почти что. Где же твоя арифметика?

Первый: Я предлагаю тост за арифметику.

Третья *(Второму)*: Почему же тогда *(кивает на Первого)* вы с ним меня сразу не повели в помещение закрытого типа?

Второй: Просто ты нам понравилась как человек и как гражданин. Не захотелось сразу опошлять момента.

Первый: Путаной можешь ты не быть, но гражданином быть обязан.

Не дождавшись подмоги, выпивает в одиноаре. Снова припадает к брюнетке.

Третья *(Первому)*: А это кто?

Целуя Брюнетку, Первый лишь машет ладонью - мол, подожди.

Третья *(Второму)*: Про гражданина это кто?

Второй: Некрасов. Свободолюбивый поэт. Год рождения тысяча восемьсот двадцать первый.

Третья: А может все наоборот?

Второй: Что?

Третья: Может это вы мне понравились. (*указывая на вновь целующегося с Брюнеткой Первого*) Точнее - вот он.

Второй: И чем же интересно?

Брюнетка: Я же говорила уже. Всем - французским языком, стихами... Да даже хрен с ним с французским - просто стихами.

Первый (*оторвавшись на секунду от Брюнетки и кивнув на Второго*): Да это его стихи.

Третья: Что?

Второй: Это мои стихи.

Третья: Что?!

Второй: Исключая, конечно, бессмертные творения Артюра Рембо тысяча восемьсот пятьдесят четвертого года рождения.

Третья: То есть ты хочешь сказать, что про месяц это ты написал. (*Первому*) Про месяц - это его стихи?

Первый (*закончив поцелуй с Брюнеткой*): Его. Просто иногда он разрешает мне побыть поэтом. По дружбе. Это же так прекрасно хотя бы по пьяни ощутить себя стихотворцем. Просто даже очень и очень прекрасно.

Третья: Самозванец. Самозванец и лжец.

Открывается одна из дверей и из нее выходит бородатый мужчина в длинном пальто. За спиной у него ранец, а в руке мешочек со сменной обувью.

Третья (*мужчине в пальто*): Мальчик, ты не можешь посмотреть у себя в задачнике кто написал стишок про месяц, который вы в первой четверти проходили?

Мужчина в пальто подходит к столу, берет сковородку с грибами и ногой, по футбольному, выбивает ее куда-то далеко перед собой.

Мужчина в пальто: Грибы нам на хуй не нужны.

Третья (*мужчине в пальто, указывая на Второго*): А стишок про месяц для вас всех вот этот дядя написал.

Мужчина в пальто приподнимается на цыпочки и мешочком со сменной обувью разбивает один из двух оставшихся плафонов светофора.

Мужчина: Светофоры нам тоже на хуй не упали.

Проходит к лифту. Шум открывшихся-закрывшихся дверей. Лифт уезжает.

Третья достает из сумочки ПМ. Свободной от ПМа рукой поднимает со стола осколок плафона светофора.

Третья (*глядя на свет через осколок плафона и очень задумчиво*): А у меня мечта - чтобы не было войны и чтобы статистика дорожно-транспортных происшествий в отчетном квартале не превышала уровень тысяча девятьсот тринадцатого года.

Не отрываясь от осколка плафона, вяло поднимает руку с ПМом к потолку. Так же вяло нажимает на курок. Выстрел. С потолка в стакан Второго падает мертвая муха.

Третья (*все еще глядя куда-то сквозь плафон и так же задумчиво*): Потому что дорожно-транспортные происшествия это бич нашего столетия.

Второй (*глядя на убитую муху, тоже задумчиво*): Нынче муха-цокатуха именинница...

Третья, оторвавшись от созерцания мира сквозь осколок плафона, резко поворачивается ко Второму.

Второй (*перехватив взгляд Третьей*): Увы. Увы. Увы. Это не мое. (*выцепив мертвую муху из стакана и тяжело вздохнув*) Я бы за одну эту строчку все свои отдал бы не задумываясь.

Первый (*Третьей, очень неожиданно и утерев скупую слезу*): Выходите за меня замуж.

Третья: Что?!

Первый: У меня перед вами комплекс вины. И поэтому я полюбил вас снова.

Третья: Что?!

Первый: Я предлагаю вам руку, сердце, почки и даже израненную в боях простату.

Третья (*мрачно-сухо-презрительно*): Ха. Да после ваших бессовестных заведомо ложных показаний об авторстве стихотворения про месяц в тумане...

Подходит к Первому припадает к его губам.

Второй (*Брюнетке, грустно*): Вот так. И стихи и французский, как выясняется, не причем.

Брюнетка: Ну отчего же...

Второй: Да все от того же... Видите ли - если бы сегодня я читал стихи про Офелию и я же говорил по-французски, да вдобавок ко всему еще сразу бы признался, что про месяц с ножиком это мое стихотворение, она все равно полюбила бы его. Но на вопрос «за что» ответила бы - за то что он уважает собеседника, то есть ее, и не говорит при ней на незнакомом ей языке; за то, что он не читает стихов, но умеет их слушать, а это тоже дар свыше, которым обладают лишь единицы; ну и за то, что не пишет своих, потому как после Артюра Рембо тысяча восемьсот пятьдесят четвертого года рождения писать про месяц с ножиком - это, по меньшей мере, неуважение к самому себе.

Третья (*Второму, оторвавшись от Первого и чуть задыхаясь*): Неправда. Про месяц с ножиком - это очень сильно. Я, вообще, люблю детскую поэзию.

Гордо тряхнув головой, снова опадает в объятия Первого.

Брюнетка (*Второму*): Простите, а что он ей предложил последнее?

Второй: А?

Брюнетка: Ну руку, сердце, почки и... ну которая израна в боях?

Второй: Простату.

Брюнетка (*задумчиво*): Простату...

Второй: Простату - мужское сердце.

Брюнетка: Выходит, он ей предложил два сердца?

Второй: Два сердца, столько же почек и одну руку.

Брюнетка: А остальное?

Второй: А остальное он оставил вам.

Все четверо оборачиваются на шум приехавшего лифта.

Голос из лифта: Спирт на этаже есть!?

Второй: Только водка.

Голос из лифта (*кому-то в лифте*): Госпиталь будет здесь! Выгружайте мужики!

Лестничная площадка наполняется матом и людьми с носилками. На носилках - легко и тяжело раненные.

Третья (*Первому*): Почитай что-нибудь еще.

Первый: А я больше ничего не знаю.

Третья: Ну и не надо. Тогда давай просто потанцуем.

Начинают влюбленно кружить в венском вальсе, иногда задевая ногами носилки. Но раненые не ропщут, а только успевают и не успевают убирать руки из под подошв танцующих.

Второй (*Брюнетке, задумчиво переведя взгляд с танцующих на раненых*): Может они и сеструху твою здесь где-нибудь пристроят?

Брюнетка: А голова?

Второй: С головой сложнее.

Брюнетка: Без головы они ее не возьмут. А вы действительно поэт?

Второй: Поэт.

Брюнетка: Тогда возьмите меня замуж. Я стану вашей музой, рожу вам детей и каждый день буду ждать из пивного ларька.

Второй: А здороваться будете?

Первый (*из танца, шутейно-романтически*): Не будет! Она даже со мной не здоровалась!

Третья (*из танца, весело-романтически*): А с ним будет! (*Брюнетке*) Правда, ведь, будешь?

Брюнетка: Буду. (*Второму*) Давайте потанцуем.

Две пары кружатся в венском вальсе, не обращая внимания на людей в белых халатах выносящих с лестничной площадки носилки с ранеными. И вот уже Первый с Третьей и Вторым с Брюнеткой вольготно парят в счастливом влюбленном одиночестве.

Третья (*Второму, через плечо Первого*): Слушай, поэт, а долго ты про месяц сочинял?

Второй (*через плечо Брюнетки*): Не помню. Часа полтора или два.

Вальс неожиданно обрывается. Одна из дверей открывается и из нее на лестничную клетку выносят обитый красным гроб. В гробу лежит на животе седой

длинноволосый старик с ранцем за спиной. В ногах у покойника - мешочек со сменной обувью. Люди с гробом скорбно проходят к лифту.

Третья (*задорно, вдогонку гробу*): Слышишь, мальчик, этот дядя стишок про месяц сочинил для вас всего за полтора часа!

Шум открывшихся-закрывшихся дверей лифта. Лифт уезжает. Все четверо снова за столом.

Первый (*подняв стакан с коричневым*): У меня есть тост. За любовь и поэзию.

Все дружно выпивают.

Второй (*Брюнетке, занюхивая салом*): Скажи мне «здравствуй»,

Брюнетка: Здравствуй.

Третья (*Второму*): Почитай что-нибудь свое.

Первый (*Второму*): Про золотое крыльцо почитай.

Второй: Да я даже не знаю...

Первый: Ну, хочешь я начну? (*начинает*) «На золотом крыльце сидели...» Ну? Дальше сам давай.

Второй (*нехотя*): «...царь, царевич, король, королевич...»

Брюнетка: «...сапожник, портной, гармонист, городской...»

Третья: «Кто ты будешь такой...» (*ошарашено*) Неужели и это ты?

Второй: Я.

Первый: Про варенники, между прочим, тоже он.

Третья (*каменея лицом*): Про какие варенники?

Первый: Прочти ей про вареники.

Второй (*нехотя*): Ну «эники-беники ели вареники»...

Третья падает в обморок. Ее успевают подхватить Первый. Брюнетка отхлебывает из стакана коричневое и брызгает им в лицо Третьей. Третья открывает глаза.

Третья (*глядя куда-то вверх, шепотом и торжественно*): Слышишь, мальчик, про варенники это тоже он.

Снова закрывает глаза. И сразу же лестничную площадку опять накрывает венский вальс. Все танцуют. Все влюблены. Все счастливы. И поэтому не сразу замечают вышедшую из-за угла старушку в сарафане и кокошнике.

Старушка (*сквозь вальс*): Там у лифта от грибов очень скользко и голова чья-то лежит!

Первый (*из танца*): В чадре?

Старушка: Что?!

Первый: Голова в чадре?!

Старушка: В чадре и немножко в рисе!

Второй (*из танца*): Если вас интересуют головы, бабушка, то в мусоропроводе еще одна! (*Брюнетке*) Это, наверное, из домоуправления. Настучал, видно, кто-то, что мы на лестнице пьем. А мы всегда на ней пьем.

Вальс неожиданно умирает.

Старушка: Короче. Фирма приносит извинения за опоздание и вы имеете право снять заказ. Заказ... *(достает из кармашка сарафана бумажку, читает)* Два часа традиционного секса на двоих - стоимость сто долларв США. *(поднимает глаза на Первого и Второго)* Ваш заказ?

Второй: Ну, наш.

Голос Владимира Жириновского за сценой: Подумают люди - тут нет ли обмана,
Поверить ли этому доброму чуду?
Как будто нарочно, как пишут в романах,
Встречаются эти ребята повсюду...
Я сам удивлен совпаденьем немного,
Но в нем ни фантазии нету, ни вздора,
Ходите не с края, а главной дорогой
И встретите тех, кто вам близок и дорог...

Старушка добредает до стола.

Старушка *(опять по бумажке)*: В случае аннулирования заказа клиент оплачивает только дорогу в оба конца. Если же заказ принимается, то время отсчета начинается с момента перехода... *(подносит бумажку к глазам)*...с момента переступления... Темно тут у вас... С момента...

Второй: С момента переступания...

Старушка: С момента переступания порога квартиры заказчика. *(убирает бумажку в кармашек сарафана)* Квартира заказчика где?

Первый и Второй тупо переводят взгляды со старушки на Третью.

Третья *(Первому и Второму, через паузу, с вызовом)*: Да!... Да!... Да!... И что?!

Старушка: Так я не поняла насчет заказа.

Первый *(злобно глядя на Третью)*: Я тоже.

Третья *(Первому, с еще большим вызовом)*: Да! Да! Да! И не надо так смотреть!

Первый: А как мне на тебя смотреть?

Второй: Спокойно! Будем разбираться поэтапно. *(Первому)* Ты заказ наш помнишь?

Первый: Как твои стихи. Наизусть. Блондинка с короткими ногами не старше двадцати пяти. *(кивнув на Третью)* Ну вот, как она.

Второй *(кивнув на старушку)*: А этой сколько?

Первый: Не знаю... Лет пятьдесят-семьдесят. Может девяносто. А может даже...

Старушка *(по доброму вразумительно)*: Так заказ-то, ведь, еще довоенный, мальчики! *(всхлипнув)* Знали б сколько я горюшка по дороге к вам хлебнула - не кочевряжились бы - заплатили бы бабушке и отпустили с миром...

Первый (непонимающе зло): С каким миром? Какого горюшка?

Старушка: А всякого - бомбежка, окружение, плен, блокада, будь она неладна, госпиталь, эвакуация, опять окружение... *(слезно высморкавшись)* А что к сроку не поспела - так вы уж не судите шибко. Беда-то она, ведь, общая у всех - и у вас и у фирмы нашей...

Первый: Стоп. Стоп. Мы же заказывали блондинку не старше двадцати пяти!

Старушка: Так я та самая блондинка и есть... Не старше двадцати пяти... Даже младше...

Второй (Старушке): Ладно. С вами в общих чертах что-то прояснилось. *(Третьей)* А кто тогда ты?

Третья (очень трогательно): А я - никто. Я - ГАИ. *(всхлипнув)* ГИБДД по новому.

Первый: ГИБДД?

Третья: Ну да... Жалоба из вашего ЖЭКа пришла. *(кивнув на прибитый к стене светофор)* Насчет светофора...

Первый (Второму): Туркмен, сука, настучал. Гадом буду.

Третья: Светофор не по инструкции в жилом помещении... *(Первому)* Ты меня теперь разлюбишь?

Первый (холодно-презрительно): Самозванка. *(Второму)* Ты понял, и она еще что-то бакланила про ложные показания.

Третья (начав всхлипывать): Светофор не по инструкции... Здесь же нет дорожного движения...

Первый: За то есть движение души.

Третья: Я и осталась поэтому.

Второй: А зачем маскировалась?

Первый: Мы бы тебе и так налили.

Третья: Ага, а стихов бы не прочитали...

Второй: Ну, разве что стихов не прочитали...

Третья: Вот видите.

Первый: Да разве в стихах дело?

Третья: И в стихах тоже. Особенно про месяц. *(упав на колени)* Вы простите меня пожалуйста!

Первый (Третьей, убийственно): Да никогда. *(обернувшись ко Второму)* Никогда живых ментов не целовал.

Второй: А мертвых?

Первый (с горечью в голосе): Пидор ты бесчувственный. Хоть и про месяц написал.

Опускается перед Третьей на колени и впивается в нее вечным поцелуем.

Старушка: Ну, так что, ребятки, отменяется заказ или как?

Второй: Видимо да.

Старушка: Тогда от имени фирмы убедительно прошу оплатить дорогу хотя бы в один конец.

Второй подносит старушке два стакана наполненных коричневым.

Второй: Плачу в оба.

Старушка молча выпивает стаканы и пошатываясь идет к лифту.

Третья (*оторвавшись от Первого*): Бабушка, а вы случайно не знаете - когда умер французский поэт по фамилии Рембо?

Старушка останавливается и медленно поворачивает голову.

Старушка: Негоциант Артюр Рембо скончался в Марселе десятого ноября тысяча восемьсот девяносто первого года.

Третья: А было тепло?

Брюнетка: Дура. В Марселе всегда тепло.

Голос Владимира Жириновского за сценой: А годы летят, наши годы, как
птицы летят,
И некогда нам обернуться
назад...

Занавес. Антракт. Все зрители выпивают в буфете.

Второе действие

Занавес раздвигается, и мы видим пожилого армейского капитана сидящего на ящике из под снарядов. Капитан поглощен разгадыванием кроссворда и не обращает никакого внимания на суетящийся неподалеку от него артиллерийский расчет. Тем временем наводчик расчета разворачивает пушку стволом в сторону торчащей посреди пустыря одноподъездной высотки. Все окна высотки темны. Все кроме одного - озаренного зеленым светом. Когда его выцеливает ствол орудия, подошедший к пушке заряжающий досылает снаряд в подствольник.

Наводчик (*капитану*): Есть прицел, товарищ капитан!

Капитан (*не отрываясь от кроссворда, очень вяло и не заинтересованно*): Ну «огонь» тогда...

Заряжающий дергает на себя приводной шнур. И... вместо звука выстрела весь мир оглушает удар кремлевских курантов.

Занавес. Антракт. Все зрители выпивают в буфете.

Третье действие

Красная площадь. Утро. На Спасской башне куранты бьют шесть. По площади, крепко взявшись за руки, идут Первый, Второй, Третья и Брюнетка. На последний удар курантов наплывает первый аккорд музыкального проведения. По окончании проведения Первый, глубоко вздохнув, начинает петь. Петь красивым детским голосом.

Первый: На дальней станции сойду, трава по пояс,
Как хорошо с бывшим наедине
Бродить в полях ничем не беспокоясь
По васильковой синей тишине...

Первого подхватывают остальные. И тоже детскими голосами.

Все вместе: Бродить в полях ничем не беспокоясь
По васильковой, синей тишине...

Второй: На дальней станции сойду, запахнет медом...

Третья: Живой воды попью у «журавля»...

Брюнетка: Тут все мое и мы отсюда родом -
И васильки, и я, и тополя...

Все вместе: Тут все мое и мы отсюда родом
И васильки, и я, и тополя...

Второй: На дальней станции сойду - необходимой,
С высокой ветки в детство загляну...

Третья: Ты мне опять позволь, мой край родимый,
Быть посвященным в эту тишину...

Все вместе: Ты мне опять позволь, мой край родимый,
Быть посвященным в эту тишину...

Брюнетка: На дальней станции сойду, трава по пояс,
Войду в траву, как в море босиком...

Все вместе: И без меня обратный скорый поезд
Растает где-то в шуме городском...

С песней по жизни четверка уходит на восход. В вечность.

Занавес. У всех зрителей похмелье. Они дружно идут в буфет. Однако буфет уже закрыт.

К О Н Е Ц *

* в пьесе использован текст песни Михаила Танича «На дальней станции сойду» и стихи Евгения Долматовского, написанные для кинофильма «Добровольцы»